
КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ОЛЬГА ШИЛЛИНГ
РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ
Ты украл мою дочь, но я забрала у тебя всё!

Ольга Шиллинг

Развод с предателем. Ты украл мою дочь, но я забрала у тебя всё!

«Автор»
2026

Шиллинг О.

Развод с предателем. Ты украл мою дочь, но я забрала у тебя всё! / О. Шиллинг — «Автор», 2026

Три года назад муж отнял у меня дочь. Теперь решил уничтожить последнее: профессию врача, репутацию и право на собственную настоящую жизнь.Игорь подделал медицинские документы, обвинил меня в смерти живого ребёнка и добился отстранения от работы. Вскоре мой дом охватил пожар, а дочь позвонила, чтобы сказать: «Мама, ты плохая».Он уверен, что я сломаюсь и исчезну навсегда.Но я спасала людей там, где другие опускали руки. И теперь собираюсь спасти себя.Рядом появляется Артём, опасный мужчина с собственными тайнами. Поможет ли он вернуть любимую дочь или жестоко предаст снова?Я восстановлю своё имя. И заставлю бывшего мужа ответить за всё.

© Шиллинг О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Камила Левитан, Ольга Шиллинг Развод с предателем. Ты украл мою дочь, но я забрала у тебя всё!

Глава 1

Я помню, как в кабинете Игоря пахло хлоркой. В операционной этот запах означал, что пол вымыт, инструменты готовы, можно работать. Здесь я начинала проверять себя: не слишком ли громко вошла, не забыла ли какую-нибудь бумагу. Три года назад ещё надеялась, что, если всё делать безупречно, он перестанет ко мне придираться.

Сегодня утром в кабинете опять пахло хлоркой. Игорь крутил ручку над папкой, а я стояла у его лакированного стола и ждала, когда он соизволит заметить меня. Посетителю он уже предложил бы стул. Мне — нет. Через три года после развода это маленькое различие всё ещё задевало, хотя я приходила к нему исключительно по работе.

— Марина Сергеевна, — произнёс он, наконец посмотрев на меня. Он задержал ручку над папкой, будто выбирал, какое слово мне достанется сегодня. — Мы тут обсуждаем вашу… техническую пригодность.

Он встал, пригладив пиджак на животе. Между нами не было и шага; роста мы почти одного, но я всё равно задрала подбородок, как перед начальником. Знакомое движение. Дома оно появлялось, когда он спрашивал, на что ушли деньги. Сейчас я стиснула ключи: отступлю — он опять примет это за согласие.

— Ключи, — сказал он. Протянул руку ладонью вверх.

— Что? — Я замерла. Стиснула связку ключей от моего кабинета. Там оставались инструменты и карты; через несколько минут меня будет ждать пациент. Игорь держал ладонь открытой, а я всё ещё надеялась, что ослышалась.

— Кабинет 402 проходит плановую проверку лицензионного отдела Минздрава, — монотонно продолжал Игорь. Он говорил так мягко, что за дверью могли принять это за заботу. Мне хотелось, чтобы он повысил голос: хоть кто-нибудь услышал бы, что происходит. — До окончания проверки доступ сотрудникам ограничивается. Сдай ключи. Сейчас.

— Это абсурд, — мой голос дрогнул, и я возненавидела себя за это. В операционной я могла попросить зажим, пока пальцы держали сосуд. Здесь не справлялась даже с собственным голосом, и он это слышал. — У меня пациент на процедуре. Ребёнок после травмы позвоночника. Если я не приду...

— Ты не придёшь, — перебил он. И шагнул ко мне.

Он сжал моё запястье и задержал руку между нами. Я дёрнулась — боль прошла до плеча. Он смотрел спокойно, словно удерживал не меня, а дверь, которую надо закрыть. На столе оставалась его раскрытая папка; я заметила, что пальцами свободной руки он придерживает угол листа. Всё уже было приготовлено до моего прихода.

— Отпусти, — прошипела я, пытаясь вырваться.

В коридоре за дверью собрались медсёстры. Под дверью шевелились тени; за ней шептались. Я ждала стука. Хоть одна могла войти — сказать, что зовут на пост, спросить, нужна ли помощь. Игорь тоже слушал. Стука не было. Игорь улыбнулся шире, обнажая ровные, дорогие зубы.

— Твоя нервозность объяснима, Марина. Стресс на работе вредит детям. Давай мы сохраним твою репутацию и дадим тебе время остыть. Ключи.

Я перестала тянуть руку: от этого он сжимал сильнее. В коридоре зашуршали подошвы. Кричать при них? Он именно этого и ждал — потом достаточно будет повторить «слышали сами». Ключи в кулаке упирались в кожу. Я выбрала момент, когда он посмотрел на дверь.

Ударила его по руке ребром ладони — вспомнился старый болевой приём. Игорь вздрогнул, хватка ослабла. Кисть выскользнула раньше, чем он успел сжать пальцы снова. Отступив, прижала ключи к груди и выдохнула. Всё ещё мои. Он смотрел на связку, потом на свою руку; сейчас начнёт требовать расплаты.

— Приди сюда, — тихо сказал Игорь. Он вытянул к себе пальцы, проверяя место удара. Я отступила ещё на полшага. Этого тона хватало, чтобы дома я бросала любое дело и подходила. — Или ты хочешь, чтобы я вызвал охрану и оформил это как физическое нападение на должностное лицо?

Именно в этот момент открылась дверь. Вошёл заведующий отделением, доктор Ветров. За ним — две санитарки. Игорь расправил рукав, за который я задела при рывке, и развёл руками. Теперь открытые ладони были для Ветрова и санитарок. Я стояла напротив, тяжело дыша, с ключами у груди. Запястье горело там, где он только что держал; показать его никто не попросил.

— Видите? — громко спросил он, обращаясь не ко мне, а к коллегам. — Она отказывается сдавать доступ к медицинскому оборудованию. Угрожает персоналу.

Доктор Ветров отвёл глаза. Посмотрел в пол. Потом на свои часы.

— Игорь Петрович, может, обсудим это позже?..

— Нет, — отрезал Игорь. Он повернулся к своему компьютеру, кликнул мышкой. Звук был оглушительным в тишине кабинета.

На экране появилась электронная форма. Бланк о приостановлении допуска к медицинской деятельности. Основание: подозрение в профессиональной халатности.

Я подошла ближе. Руки тряслись так, что ключи звенели в сжатой ладони.

— Какую халатность? Я никого не оперировала последние два месяца! Ты знаешь это!

— Акт осмотра пациента № 14/Б, — Игорь развернул монитор к нам. Там лежала сканкопия документа. Подпись врача пытались выдать за мою. Общий росчерк был похож, но я знала, где обычно отрывала ручку от бумаги: я ставила подписи тысячи раз. Эта была фальшивкой. Грубой, дешёвой подделкой, сделанной кем-то, кто торопился. — Пациент умер. Диагноз пропущен. Твоя подпись стоит здесь.

Мальчик из карты № 14/Б был жив. Полгода назад я лечила его, вчера видела из кухни: гонял мяч во дворе городка. Я даже помнила, как он отбежал за ним к ограде. Игорь смотрел на экран и объявлял этого ребёнка умершим. Может, рассчитывал, что я забуду номер карты? Я подошла ещё ближе к монитору.

— Это подделка, — сказала я. Голос сорвался на визг. Я не могла контролировать интонации. Мне хотелось закричать так, чтобы треснули стёкла. — Игорь, это подделка! Ты убьёшь человека ради должности?

Игорь улыбнулся и перевёл взгляд на Ветрова, будто требовал, чтобы тот оценил моё поведение.

— Посмотри на себя, Марина. Ты орёшь на администратора в присутствии всего коллектива. Ты угрожаешь. Ты эмоционально нестабильна. Именно такие люди ломают судьбы пациентов. Допуск к работе приостановлен приказом по госпиталю до выяснения обстоятельств. Выход свободен.

Он указал на дверь и снова взял ручку. Ветров остался возле неё; чтобы выйти, мне придётся попросить его посторониться. Того, кто слышал, как меня объявили опасной для пациентов, и смотрел на часы.

Я вышла. Коллеги торопливо расходились, и мне пришлось обогнуть оставленную поперёк коридора каталку. Галя стояла у стены. Ещё недавно она угощала меня домашним пече-

ньем; я чуть не позвала её по привычке. Она повернулась к тележке и принялась перекладывать тряпки. Я прошла рядом, так близко, что могла коснуться её рукава. Она не посмотрела.

Мой телефон завибрировал в кармане. Экран вспыхнул именем: «Лиза». Сердце пропустило удар. Дочь звонила редко. Обычно ей запрещали это делать.

Я нажала ответ, прижав трубку к уху, и побежала к пожарной лестнице, подальше от чужих глаз.

— Лиза? Милая, что случилось?

Тишина. Потом детский голос, механический, заученный наизусть. Как стихотворение в школе.

— Мама, ты плохая.

Слёзы обожгли глаза.

— Лизочка, что такое? Кто это говорит?

— Папа говорит, что ты обидела его. Что ты больше не можешь меня видеть. Потому что ты злая. Ты разрушила семью.

Голос дочери был плоским. Так она отвечала у доски, когда боялась забыть выученный текст. Где сейчас стоял Игорь — рядом с ней, у двери? Я прислушивалась, надеясь услышать хотя бы её собственный вздох. Игорь натаскивал её. Уже три года я слышала в её голосе его слова — узнаваемые до последней паузы. Раньше Лиза торопилась рассказать мне о себе. Теперь я пыталась вклиниться между обвинениями, чтобы она хотя бы успела услышать, как я её зову.

— Лиза, послушай меня, — я говорила быстро, захлёбываясь воздухом. — Папа врёт. Я люблю тебя. Скажи хоть одно слово правды. Просто одно.

— До свидания, мама.

Пошли гудки. Я всё ещё держала телефон у уха: она ведь сказала «мама», даже прощаясь. Прижалась лбом к холодному бетону. Меня трясло, и никак не удавалось попасть пальцем по её имени, чтобы перезвонить.

Глава 2

Домой я шла пешком. В кармане ещё лежали ключи от кабинета; на каждом шаге ударяли по бедру, будто могли что-то изменить. Деньги на такси кончились в начале недели: Игорь заморозил мои счета под предлогом «прокурорской проверки». Возле магазина я остановилась, посмотрела на ценник в витрине и пошла дальше.

До третьего этажа старого кирпичного дома я обычно поднималась, считая ступени. За дверью пахло книгами и валерьянкой, которую пила вместо вина. Там можно было опустить плечи, положить телефон и хоть минуту не ждать чужого приказа.

За двести метров до подъезда потянуло дымом. Горьким, едким — горели пластик и дерево. Я подняла голову к нашим окнам и побежала, скользя по мокрому асфальту. Надо было попасть на третий этаж. Уже на лестнице стало жарко; куртка мешала, но снимать её я не остановилась.

На пороге нашей квартиры лежал пакет. Обычный целлофановый мешок для мусора. Рядом с ним, прямо на бетонных плитках, тлела сигарета. Я узнала фильтр. Красная полоска. Любимая марка Игоря. Он курил только на балконе или на улице, никогда в доме. Он мог быть здесь. Недавно. Я не знала другого человека, который курил бы эти сигареты на нашей лестнице.

Я подхватила пакет за ручки, сунула в свою сумку и рванула дверь. Она не поддавалась. Тогда я вставила ключ, рванула заклинивший замок и толкнула плечом. Дверь подалась с хрустом, выпуская внутрь волну жара.

Огонь уже пожирал гостиную. Шторы горели синими языками пламени, оплавляясь и капая вниз. Телевизор взрывался с хлопками, выбрасывая искры. От запаха выворачивало. Ещё утром здесь можно было сесть, включить телевизор. Я смотрела на искры и не могла отойти от порога: в этой комнате оставались вещи, за которыми никто, кроме меня, не вернётся.

— Нет! — Крик вырвался из меня сам собой.

Я бросилась внутрь. Дым резал горло, вышибал слёзы. Глаза закрывались рефлекторно, но я всматривалась сквозь пелену. На столе, среди завалов, лежала моя дипломная работа. Горели страницы. Фотография выпускного курса. Обугленные лица моих однокурсников.

А там, в углу, на полу, лежала рамка с фото Лизы. Стеклянная рама треснула от жара. Стекло посыпалось вниз, смешиваясь с золой. Я увидела улыбку моей пятилетней дочери, которая начала чернеть. Края фотографии скручивались, превращаясь в чёрную пыль.

— Лиза... — прошептала я, падая на колени.

Жар бил в лицо. Волосы задымились. Я протянула руку к фото, пытаясь спасти хотя бы уголок. Пальцы обожгло болью, острой и чистой. Я схватила кусок бумаги, где ещё виднелся фрагмент щеки дочери.

В этот момент раздался грохот. Грохнуло со стороны кухни, где стоял газовый баллон. Я не видела, что взорвалось. Только глухой удар пробился сквозь треск огня. Ударная волна швырнула меня в коридор.

Я потеряла сознание не сразу. Сначала была боль в спине, потом темнота, пахнущая гарью и чьим-то дорогим парфюмом.

Темнота шла волнами. Мелькало рыжее зарево за закрытыми веками, гарь в носу, чей-то голос над самым ухом. Меня двигали — поднимали, тащили, потом несли. Я пыталась открыть рот, сказать про баллон, про фотографию Лизы, но язык разбух и не слушался. Тело висело чужое, как простыня на верёвке.

Когда зарево сменилось чернотой, меня уже оставили. Где-то удалялись шаги, а позвать вслед я не могла. Провалилась обратно — туда, где не болело.

Холод.

Жёсткая, холодная опора под спиной.

Шум проезжающих машин. Дальний лай собаки.

Я открыла глаза. Над головой — тёмное небо, усыпанное редкими звёздами. Я лежала на скамейке автобусной остановки. Руки болели пульсирующей, тупой болью. Кожа на ладонях была красной, стянутой, покрытой пузырями. Ожоги второй степени. Определить могла, помочь себе — нет: на скамейке не было ни воды, ни перевязочного материала. Я осторожно раздвинула пальцы, и кожу потянуло так, что пришлось остановиться.

Не помнила, кто вынес меня из квартиры. До остановки самой не дойти — спину ломило даже от попытки повернуться. Зато помнила фотографию на полу. Посмотрела на ладони: там ничего не осталось, кроме пузырей. Я её выронила.

Я попыталась сесть. Голова закружилась, и меня чуть не стошнило желчью. Прохожие шли мимо. Сажа на лице, порванная одежда, опалённые волосы, окровавленные руки — сначала смотрели на них, потом ускоряли шаг. Некоторые косились с презрением и страхом. Я пыталась пригладить куртку локтем. Если бы хоть один задержался, я могла бы сказать, что со мной случилось.

Такси останавливалось рядом. Водитель открыл окно, посмотрел на меня и тут же закатил стекло. Запер замок. Уехал.

Ещё одно. То же самое.

После второго такси я перестала поднимать руку. Стоять оказалось труднее, чем сидеть; колени складывались. На остановке хотя бы была скамейка, и никто не требовал денег за то, что я занимаю место. Платок, которым можно было бы прикрыть ладони, остался дома. Теперь и дома не было.

Я обняла себя за плечи. По другую сторону стекла остановки шли люди, а мне не удавалось попросить их остаться. Надо сказать хотя бы «вызовите скорую». Открывала рот и вместо слов кашляла. Боялась, что сейчас проедет последний автобус, фонарь погаснет и меня до утра никто не заметит.

Между мной и фонарём кто-то остановился. Сначала я заметила тень на коленях. Прохожие обходили скамейку; этот стоял прямо передо мной, и я боялась поднять голову — вдруг тоже уйдёт, увидев лицо.

Я подняла глаза. Передо мной стоял мужчина. Темное пальто, воротник поднят. Лицо скрыто тенью капюшона, но я видела подбородок — волевой, с лёгкой щетиной. И глаза. Серые, как зимнее утро. Холодные и внимательные.

Он не спрашивал, кто я. Не спрашивал, что случилось. Он просто достал из внутреннего кармана платок. Белый, крахмальный, идеально чистый.

Присел на корточки. Медленно, аккуратно положил платок поверх моих обожженных рук. Ткань коснулась кожи, и я вздрогнула. Белый платок сразу испачкался. Хотелось предупредить, убрать руки, но он придерживал край так осторожно, что я осталась сидеть, глядя на его пальцы.

— Если хочешь жить, — его голос был низким, грудным, вибрирующим в воздухе между нами, — иди за мной.

Он говорил так, будто мог спокойно уйти. Я посмотрела на платок, которым он накрыл руки: это была первая вещь после пожара, от которой не становилось больнее. Но её хозяин ждал ответа, не вопроса о том, как я здесь оказалась.

— Если хочешь умереть здесь, — добавил он, глядя прямо в мои воспалённые глаза, — оставайся.

Я посмотрела на его руку. На пальцы, длинные, сильные, без единого украшения. На манжету рубашки, выглядывающую из-под пальто. Знакомая ткань. Госпитальная.

— Кто вы? — прохрипела я.

Он улыбнулся. Одними уголками рта. Страшно и красиво.

— Артём. Внешний аудитор. И человек, который знает, кто поджёг твой дом.

Он встал и протянул мне руку. До этой руки было меньше полуметра. Я смотрела на неё и злилась: он знает, кто поджёг мой дом, а всё равно сначала заставляет меня пойти за ним. Но уйдёт — я останусь на скамейке, без ответа. Надо встать. Вопросы задам по дороге.

Я вложила свою обожженную ладонь в его холодную руку. Он не поморщился. Он подхватил меня под локоть, помогая подняться на ноги.

Мы пошли в темноту. Он подстроился под мой шаг, но к скамейке оглянуться не дал: придержал локоть, когда я качнулась. После двух такси и десятков чужих спин от этой хватки хотелось плакать. Я стиснула зубы. Ещё ни на один вопрос он толком не ответил.

— Ты потеряла всё, Марина, — сказал он, не оборачиваясь. Его шаги были уверенными, размеренными. — Но я могу дать тебе то, чего у тебя никогда не было. Власть над теми, кто тебя сжег.

Мы свернули за угол, к служебному входу в госпиталь. За знакомой дверью обычно начиналось моё дежурство. Теперь я шла туда в саже, держась за чужой локоть. Но он обещал власть над теми, кто меня сжёг, — и я вцепилась крепче. Пусть расскажет. Хоть одну вещь, которую я смогу проверить сама.

Глава 3

На следующий вечер я снова сидела на лавке у автобусного парка, то поджимая одну ногу, то другую. Ступни всё равно мёрзли, а укрыть их было нечем. После ночи в служебном доме Артёма я вышла за ворота: оставаться под его надзором было невыносимо. Теперь натянула капюшон куртки до самого носа. Вчера я держалась за его локоть. Сегодня не могла даже решить, куда идти, лишь бы не возвращаться и не видеть, что он этому совсем не удивился. Куртка была тонкой, летней, а ветер здесь, в этом проклятом провинциальном городке, резал лицо, как скальпель без анестезии.

— Эй! Ты чего тут расселась? — голос охранника ударил по ушам грубо и властно. Он тыкал фонариком мне прямо в глаза, ослепляя. — Парк закрыт. Пошла отсюда, наркоманка хренова. Не дай бог ещё помрёшь у ворот, потом с тобой возись.

Я поднялась с лавки не сразу. Охранник продолжал светить в глаза, пока я не отошла от ворот. Пятнадцать лет я работала хирургом-травматологом, а теперь не могла даже попросить места под крышей. Представиться ему? «Марина Соколова» — и он вспомнит газетную фотографию. Я отвернулась. Боль в стопах мешала идти; приходилось выбирать ровные места на асфальте вместо короткого пути.

От голода тошнило. Я узнала дом бывшего соседа, дяди Вовы, и вспомнила круглосуточный «Уют» напротив. Дойти туда могла. Позвонить соседу? Не хотелось стоять у его двери и слышать, как он затихает внутри. В магазине хотя бы был хлеб, и я пошла на запах, уже заранее соображая, что скажу продавщице.

За витриной магазина горел тёплый жёлтый свет. Я замедлила шаг, всматриваясь: там можно постоять, пока не спросят, что беру. Дверь со скрипом открылась, выпуская облачко пара. Внутри было пусто, только старуха-продавщица зевала над кассой. Я взяла батон хлеба с полки. Руки дрожали так, что упаковка шуршала слишком громко. Сердце билось где-то в горле. Раньше я могла оплатить такую покупку, даже не снимая перчатки. Теперь придётся показать пустые карманы и ждать, даст ли она мне поесть.

Я положила батон на прилавок и вывернула пустые карманы. Старуха посмотрела на меня через очки, прищурившись. Её взгляд скользнул по моему лицу, потом упал на газету, лежащую рядом с кассой. Заголовок кричал жирными буквами: «Скандал в госпитале! Хирург-убийца скрывается!» Фотография была старой, но узнаваемой.

— Так это ты? — голос старухи стал плоским и жестким. Она схватила газету и ткнула ей мне в грудь. — Мать-ехидна? Тебя же искали по всей области. А ты... ты ко мне пришла? Хлеб воровать?

— Мне нужно есть, — сказала я тихо. Голос сорвался, звучал чужеродно, хрипло.

— У нас для таких только полиция или мусорный бак! — она схватила батон с прилавка и швырнула его в открытую урну у входа. Упаковка лопнула, и хлеб шмякнулся в грязь и объедки. — Вон отсюда! Чтобы ноги твоей тут не было! Иди к своим дружкам, которые детей калечат!

Я смотрела на хлеб в урне. На разорванной упаковке ещё виднелся ценник. Столько я раньше оставляла в автомате за один невкусный кофе, даже не считая сдачу. Живот свело. Я вытащила кусок, отломила мокрый край и сжала остальное в руке. Продавщица фыркнула; я ждала, что она отнимет и это, поэтому отступала к двери, не поворачиваясь спиной.

На улице откусила. Сухой мякиш прилип к нёбу, во рту хрустнула грязь. Пришлось остановиться и выплюнуть. Я ненавидела старуху, себя, эту урну — но хлеб не выбросила. Мне нужны были силы дойти хотя бы до следующего освещённого дома. Остаток завернула в уцелевший край упаковки, чтобы больше ничего к нему не прилипло.

Темнота сгустилась окончательно. Улица опустела. Фонарь у ближайшего дома мигал, бросая рваные тени на асфальт. Я шла быстро, стараясь дышать глубоко, чтобы не задыхаться

от холода. Вдруг из переулочка выскочили трое. Пацаны лет шестнадцати-семнадцати, в растянутых толстовках, с запахом дешевого алкоголя и пота. Они окружили меня полукольцом.

— Баба, телефон давай, — один из них, рыжий, с прыщами на лице, ткнул мне в плечо.

— И денег, если есть, — добавил второй, доставая складной нож. Лезвие блеснуло в свете мигающего фонаря.

Я посмотрела на нож, потом на выход из переулка. Рыжий закрыл мне дорогу к фонарю, второй держал лезвие впереди себя, третий пока не двигался. Уйти мимо него? Я перенесла вес на здоровую стопу, не показывая, как больно наступать. Телефон был в кармане. Если начнут обыскивать, найдут его сразу.

— Нет телефона, — сказала я ровно, глядя прямо в глаза рыжему. Так я смотрела на пациента перед операцией, когда тот начинал паниковать: ждала, пока услышит меня. Сейчас надо было выдержать взгляд рыжего и не посмотреть на карман. Пусть сомневается, стоит ли ещё что-то искать.

Рыжий замешкался. Нож в руке второго дрогнул.

— Да ты совсем дура? — зарычал он, делая шаг вперед.

Я медленно засунула руку в карман куртки. Там лежала зажигалка, уцелевшая в кармане после пожара. Мой большой палец лег на колесико. Я готовилась нажать и направить пламя на их лица, если подойдут вплотную. За это он ударит ножом — успею ли отскочить? После пожара от одной мысли об огне мутило, но зажигалку я не выпустила. Отдам телефон — потеряю номер Лизы. Они не получат его без драки.

Рыжий снова потянулся к плечу. Я нажала на колёсико, но щёлкнуть не успела: за его спиной послышались шаги, и он обернулся.

Мужчина оттолкнул рыжего прямо на его приятеля. Третий отскочил сам, ударившись спиной о стену. Один из них вскрикнул, роняя нож. Второй попытался убежать, но наткнулся на стену.

Мужчина в тёмном пальто заслонил мне рыжего. Я увидела его поднятый воротник и узнала Артёма, но не окликнула. Мальчишки пятились к переулку. Он шагнул за ними, ничего не говоря, и нож остался лежать у фонаря. Я смотрела на него, пока последний из троих не скрылся за углом.

Мужчина повернулся ко мне. Его руки были в карманах. От него пахло дорогим табаком и антисептиком. Антисептик я узнала сразу. Хотелось прислониться к нему, как вчера, и я осталась стоять: рядом ещё лежал чужой нож, а он уже ждал моего ответа.

— Ты хочешь жить или мстить? — спросил он. Голос низкий, бархатный, но с металлическим отливом.

Я замерла, сжимая зажигалку в кармане до побелевших костяшек.

— Ты следил за мной? — мой голос звучал жалко, хрипло.

Он сделал шаг ближе. Я инстинктивно отшатнулась, вспомнив уроки безопасности, которые преподавали в академии. Вчера я пошла за ним почти не споря. Сегодня он снова оказался рядом именно тогда, когда мне понадобилась помощь. На вопрос о слежке не ответил, а я уже отступала от его руки, будто она тоже тянулась за телефоном.

— Я уже представился, — сказал он коротко. — Внешний аудитор Минздрава. И, кажется, единственный человек в этом городе, кому нужна правда больше, чем красивая картинка.

Он ждал ответа, не подходя. Я успела рассмотреть его лицо при фонаре: вчера из-за дыма всё расплывалось. Он смотрел на мои руки. Я глубже засунула зажигалку в карман, чтобы она не мешала сгибать пальцы. Не хотелось отдавать ему даже такую смешную защиту.

— Садись в машину, — он кивнул на черный внедорожник, стоящий у обочины. Мотор тихо урчал, выпуская клубы белого пара.

— Нет, — я покачала головой. — Я не знаю, чего ты хочешь. Я не поеду с тобой.

Артём не спорил. Не повышал голоса. Он просто обошел меня и открыл багажник машины. Внутри, аккуратно сложенные, лежали аптечка первой помощи, спальный мешок и термос.

— Я не насильник, Марина, — сказал он сухо, не оборачиваясь. — Я аудитор. И мне нужен твой мозг, а не тело. Садись или замёрзнешь к утру. Выбор за тобой.

Глава 4

Я смотрела на раскрытый багажник: аптечка, спальный мешок, термос. Он был готов к моей ночёвке на улице ещё до того, как нашёл меня. Спрашивать об этом сейчас не хватало сил. В салоне светилась панель, работал обогрев. Я могла бы остаться из упрямства — только утром тогда, возможно, уже не смогла бы подняться.

Я подошла и села на переднее пассажирское сиденье. Дверь захлопнулась с глухим звуком, отсекая внешний мир. Внутри было тепло, пахло кожей и кедровым деревом. От запаха тошнило. Я оставила ладонь возле дверной ручки: защёлкнет замки — услышу. Тепло шло к ногам, и выходить обратно уже не хотелось; это пугало сильнее его молчания.

Машина тронулась. Тишина в салоне была давящей. Артём не включал музыку. На экране панели шли новости местного канала.

«...Игорь Волков, главный администратор госпиталя, выступил с заявлением о том, что инцидент с бывшим сотрудником уже исчерпан», — бодро вещал диктор. «Господин Волков подчеркивает свою жертвенность ради репутации учреждения и просит общественность не вмешиваться в дела полиции».

На экране появилось лицо Игоря. Идеальная улыбка, гладкие волосы, дорогой костюм. Он говорил спокойно, убедительно, как человек, который привык, что ему верят на слово. Я сжала кулаки и тут же разжала: обожжённые ладони не выдерживали давления. Боль была острой, приятной. Она возвращала ясность.

Я слушала новости и ждала имени того мальчика, которого Игорь объявил умершим. Его не назвали. Ни даты, ни палаты — только моя халатность и забота администрации. Игорь дважды моргнул на слове «полиция». Я знала эту паузу: он выдерживал её, когда хотел, чтобы я испугалась раньше, чем успею спросить о подробностях.

Артём перевёл взгляд с экрана на мои руки. Я распрямила пальцы и положила их на колени: пусть не считает, что от новостей мне снова нужна помощь.

— Ты заметила? — спросил он, когда новости закончились.

— Что он врёт, — ответила я, не поднимая глаз. — Как дышит. Где ставит акценты.

Артём усмехнулся. Коротко, почти зло.

— Хорошо. Значит, ты будешь полезна.

За окнами пошли промзоны и пустые поля. Я узнала дорогу к госпиталю и отвернулась от стекла: возвращаться туда приходилось уже второй раз за сутки. Над лесом показался бетонный корпус. Туда я приходила лечить, теперь ехала просить допуск к собственной дочери.

Машина остановилась у служебного домика, пристроенного к старому корпусу. На третьем этаже светились окна операционных. Я попыталась узнать, в какой сейчас дежурят, и отвернулась. Уже не моя смена. Наверху кто-то работал, пока я ждала, где мне позволят ночевать.

Артём заглушил мотор и вышел. Я вышла следом, успев согреться в машине ровно настолько, чтобы теперь остро почувствовать ветер. Артём не оглядывался. К служебному дому я уже знала дорогу.

— Здесь будет твоё временное жилье, — он открыл дверь небольшого домика. Внутри было скромно, но чисто: кровать, стол, стул, душ. Кровать я узнала со вчерашнего вечера. У неё снова хотелось остановиться, но Артём стоял в дверях, и я прошла к столу. Лучше выслушать его стоя, пока ещё могу.

Он протянул мне связку ключей и сложенный лист бумаги.

— Контракт, — сказал он. — Ты работаешь медсестрой-стажером под моим прикрытием. Ты не имеешь права покидать территорию госпиталя. Ни шага за периметр.

Я взяла бумагу и развернула к свету. Ключи пришлось удерживать другой рукой; кольцо давило на обожжённую ладонь. Артём не предложил ни сесть, ни отложить чтение. Я начала с пунктов, где он требовал моей подписи.

«Пункт 3. Полное сотрудничество в сборе компрометирующих материалов относительно администрации госпиталя».

«Пункт 5. Обязательство не задавать вопросов о прошлом Артёма».

«Пункт 7. Доступ к архивам пациентов предоставляется исключительно по указанию Артёма».

И внизу, мелким шрифтом:

«Лиза находится в интернате при госпитале. Посещение разрешено только после выполнения первого этапа задачи».

Я перечитала строку про Лизу, потом пункт про архивы. Значит, за дверью, куда мне нельзя, лежали ответы о дочери. Он связал эти две вещи одной бумажкой. Я разгладила сгиб большим пальцем и поискала внизу его подпись: пусть хотя бы здесь останется след того, что он мне обещает.

— Ты знал о пожаре, — прошептала я, поднимая глаза на Артёма. — Ты знал, что это случится. Или ты сам это организовал?

Артём выдержал мой взгляд. Я ждала, что он возмутится, потребует забрать обвинение. Он посмотрел на контракт в моей руке и ответил, будто я спросила, зачем меня взяли на работу.

— Я искал человека с мотивацией, — ответил он спокойно. — Квалифицированного врача, которого система раздавила. Кого-то, кто готов пойти на любой риск ради справедливости. Ты идеальна, Марина.

Я стояла с его контрактом и ключами. Он нашёл для себя идеального человека: голодную мать, которой показал дорогу к ребёнку и тут же перегородил её условиями. Хотелось бросить бумагу ему под ноги. Но строку про Лизу я прочла ещё раз — прежде чем уйти в комнату.

Я зашла в комнату. Захлопнула дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

В зеркале над раковиной я увидела, что всё ещё скалюсь, хотя дверь уже закрыта. Слишком крепко сжимала зубы. Попробовала умыться — ладони обожгло водой, и пришлось отойти, так и не смыв грязь. Сначала надо добиться от него гарантий для Лизы. На столе лежала папка с надписью «Лиза». Я открыла её. Первый лист выпал наружу. Медицинская карта дочери. Диагноз, которого не должно быть.

На кухне пахло варёной картошкой и кофе. Я смотрела на чашку Артёма, пока он читал мои требования: если возьму её без спроса, он решит, что уже распоряжается мной; если буду стоять у двери — тоже. Стул рядом со столом оставался пустым. Артём барабанил по столешнице коротко стриженными ногтями, не поднимая головы.

— Письменные гарантии? — Артём подцепил ногтем лист, но я придержала его с другой стороны. — Ты просишь меня расписаться в том, что я защищу твою дочь? Марина, я не адвокат. Хочешь гарантий — иди к Игорю и проси прощения. Или работай со мной.

Он потянул бумагу ещё раз. Стою в его кухне, нюхаю его кофе, боюсь, что выпроводит обратно на улицу, — а рука всё равно держит лист. Пусть хотя бы прочтёт строку до конца.

Обожжённые ладони не давали сжать кулаки. Я распрямила пальцы, стараясь, чтобы он этого не заметил. Слишком легко было принять ещё одно его условие: койка есть, доступ обещан. Но он сейчас говорил о Лизе, а я уже слышала похожие обещания от её отца.

— Лиза, — начала я и сглотнула, чтобы выговорить остальное. — Работать буду я. Рисковать — тоже. Дочь ты в эту сделку не вписывай. Здесь должно быть сказано, что её не тронут.

Артём поднял глаза и задержал их на моей руке. Я всё ещё прикрывала ладонью строку о безопасности дочери. Убирать её не собиралась. Он мог послать меня за картой, заставить ползти в шахту; разрешения трогать Лизу эта бумага ему не давала.

— Сейчас ты даже за ворота выйти не можешь. А уже выставляешь условия. — Он прижал мой лист ладонью. — Мне нужен человек, который пойдёт и сделает. Плакать можешь потом. Первое задание. Прямо сейчас.

Он бросил на стол фото охранника. Крупное лицо, сонные веки, ключ-карта администратора в кармане спецодежды. Спальное место — служебное крыло госпиталя, третий этаж.

— Принеси мне эту карту. Пока он спит.

На фотографии карта торчала из кармана охранника. Вытащить её, пока он спит, — звучало просто. А если проснётся? Я представила его руку на моём запястье и посмотрела на Артёма. Он уже отвернулся к ноутбуку, будто вопрос решён. Сначала пусть ответит за свою часть.

— Почему я должна делать это одна? — Я развернула фотографию к нему. На снимке охранник едва помещался за столом. — Проснётся — схватит. Ты будешь ждать здесь?

Глава 5

— Потому что если ты не можешь пройти мимо спящего человека, ты не сможешь подойти к Игорю, когда тот будет бодрствовать. У тебя есть навык ночных дежурств. Используй его.

На часах было два ночи. После ночных дежурств я знала, как сонные люди хватаются за первый знакомый голос; знала и другое — как быстро зовут охрану при виде чужого лица. Теперь предстояло воспользоваться этим самой. Перед глазами опять возник пакет у обгорелой двери. Пока я топчусь на кухне, Игорь решает, что завтра скажет Лизе.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Но при одном условии. Вы стоите на стреме. Если меня заметят, вы должны быть готовы вмешаться. Иначе это не союз, а казнь.

Артём наконец закрыл ноутбук.

— Договорились. Иди.

Я дождалась, пока он встанет. Одного «договорились» мне было мало.

У монитора спал охранник с приоткрытым ртом. Храп на секунду прекращался — я останавливалась вместе с ним. Потом он снова выдыхал, и можно было подойти ближе. Карта торчала из нагрудного кармана. Я посмотрела на рацию на поясе: если проснётся и успеет нажать, Артём должен вмешаться прежде, чем сюда прибегут остальные.

Я протянула руку. Пальцы коснулись грубой ткани униформы. В этот момент монитор охранника пискнул. Звук был тихим, но в абсолютной тишине коридора он прозвучал как взрыв.

Охранник дёрнулся. Прищурился на меня, ещё не успев выпрямиться в кресле, и уже потянулся к рации. Я посмотрела за его плечо. Артём стоял у колонны и не двигался. Подойти ко мне он обещал; теперь ждал, что я сделаю сама. Бежать некуда: между мной и лестницей — проснувшийся мужчина.

Назвать отделение? Потребует бейдж. Толкнуть его? Дотянется до рации раньше. Я схватилась за грудь, раскрыла рот и попыталась вдохнуть так, как дышали мои пациенты во время приступа. Воздух проходил, но со стороны должен был слышаться только сип. Колени подогнула сама, стараясь не ударить об пол обожжённые ладони.

— Помогите... воздух... — хрипло выдавила я, падая на колени и хватаясь за горло.

Охранник убрал руку от рации. Встал, посмотрел на меня, потом на аптечку за своим плечом. Я захрипела ещё громче, не давая ему передумать. Он развернулся к стене. Артём уже был рядом: вынул карту из оттопыренного кармана и отступил к колонне, пока охранник возился с аптечкой.

Я продолжала изображать агонию, пока Артём не скрылся в темноте. Охранник обернулся, увидев меня лежащей на полу, и побежал ко мне.

— Девушка! Что с вами?!

Закрыв глаза, я позволила ему приподнять моё плечо. Теперь надо лежать тихо. Никакого вдоха с облегчением, никакой улыбки. Он звал меня «девушка» — ещё не узнал. Я держала лицо обмякшим и впервые за эту ночь хотела смеяться.

Через двадцать минут мы вернулись в кухню. Артём положил добытую карту на стол. Мне пришлось сесть: у охранника удалось сыграть слабость, а теперь ноги и правда плохо держали. Хотелось спросить, видел ли он, как я справилась. Артём уже подносил карту к считывателю ноутбука. Я наклонилась к экрану вместе с ним.

Экран вспыхнул красным.

«Доступ запрещён».

Артём приложил карту ещё раз. Красная надпись осталась. Он развернул ко мне экран.

— Ты знала, что карта уже бесполезна? — Он держал её между пальцами, возле самого моего лица. — Это технический доступ. Для архивов нужны ключи уровня «Админ». Игорь сменил коды после пожара. Ты знаешь это?

— Знаю. — Мне стало жарко под воротником. Он смотрел так, что хотелось начать оправдываться ещё до вопроса. — Но я не саботировала. Я выполнила приказ.

— Мне нужен доступ к информации о пациентах, включая твоего ребенка, — отрезал он. — А у нас кусок пластика для уборщиков. Ты не могла предупредить меня, Марина? Или ждала, пока я сам обожгусь?

Слово «уборщиков» я проглотить не смогла. Он сам выбрал человека с этой картой, сам её вытащил, а теперь спрашивал, не обманываю ли я его. Я отодвинула стул, чтобы встать, не толкнув стол. От бумажного архива до серверной был другой путь, который он не проверял.

— Я знаю систему лучше вас, потому что я в ней работала годами, а вы только наблюдаете со стороны! — выпалила я, вскакивая со стула. — Игорь действительно сменил коды. Но он забыл одну вещь. Вентиляция операционного блока №4 имеет общий контур с серверной. Старые чертежи остались в бумажном архиве подвала. Мы можем проникнуть туда через шахту. Там нет электронных замков. Есть только ржавчина и моя память.

Артём перестал вертеть карту. Я ждала очередной насмешки, но он потянул к себе фотографию охранника, перевернул и отвёл взгляд к стене. Проверял мой маршрут? Пусть проверяет. Там, где он видел только закрытую дверь, я годами ходила на работу.

— Шахта вентиляции узкая, — сказал он медленно. — Там можно застрять. Или упасть.

— Тогда помоги мне страховочным тросом. Или найди другого дурака, который полезет туда без гарантий.

Я ждала, пока он кивнёт. Не полезу в шахту, если человек со страховкой считает мои условия капризом. Артём наконец убрал фотографию охранника.

— Хорошо. Следующий выход — ночью. Но сначала разговор.

Он откинулся на спинку стула, сцепив пальцы в замок.

— Если ты такая умная, почему не уехала? Почему осталась здесь, где тебя могут убить? Ты ждешь спасения? Тебя все еще тянет к бывшему мужу? Мазохизм?

После слова «мазохизм» я отодвинулась от стола. Хотелось плеснуть в него остывшим кофе. Прихватив контракт, я дошла до окна; из стекла смотрело моё грязное лицо. Хороша влюблённая жена. Он дождался, пока я залезу к чужому карману ради дочери, чтобы спросить, почему не уехала.

— Уехать? — мой голос сорвался на визг, потом упал до шепота. — Куда? В никуда? Без денег, без документов, без лицензии? Чтобы умереть в канаве через месяц? Нет. Я уехала бы, если бы не она. Лиза. Она думает, что я монстр. Что я бросила её. Что я виновата в том, что мама «сгорела».

Я повернулась от окна. Артём всё ещё сидел, сцепив пальцы. Даже теперь ему хотелось дождаться удобного ответа.

— Я не жду спасения, Артём. Я жду момента. Момент, когда смогу ударить так, чтобы он не смог встать. Чтобы он увидел правду своими глазами, прежде чем рухнет. Вы хотите использовать мою ненависть? Берите. Но не путайте её с любовью к вашему врагу.

Он долго не отвечал. Я стояла у окна и ждала, хотя хотелось отвернуться окончательно. Пусть ещё раз попробует назвать меня влюблённой дурой. Про Игоря я сказала всё. Положила контракт на подоконник и прижала край пальцем, чтобы Артём видел: от работы не отказываюсь, а о бывшем муже торговаться не буду.

— Финальное условие контракта, — сказал он, доставая из ящика стола тонкую металлическую пластину с черным камнем. Браслет. — GPS-трекер. Ежедневный анализ крови на наркотики и алкоголь. Чтобы убедиться, что ты не сорвалась и не начала пить вместо работы.

Я подошла к столу, вернула на него контракт. Пластина лежала возле моей строки о Лизе. Он сможет следить, где я стою, куда иду, вернулась ли к нему вовремя. Ещё и кровь придётся сдавать — каждый день доказывать, что мне можно верить. Я взяла браслет за край; холодный металл лёг на запястье, прямо над ожогом.

— Я принимаю, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Но добавлю пункт. Если эти данные утекут к Игорю... если он узнает, что я жива... я найду способ уничтожить вас лично. Не через закон. Через медицину. Вы знаете, как легко сделать смерть похожей на случайность?

Артём коротко рассмеялся. Я осталась стоять с браслетом, пока он смеялся над моей угрозой.

— Идеальная пара, — пробормотал он. — Монстры понимают друг друга.

Потом он положил ладонь на контракт. Рот ещё улыбался, но взгляд уже задержался на моих ожогах. Я ждала, что он скажет про кровь или про наркотики. Артём заговорил о другом.

— Знаешь, почему пожар случился именно тогда? — спросил он тихо.

Я напряглась.

— Игорь хотел убрать свидетеля.

Глава 6

— Игорь хотел, чтобы ты исчезла из города. Но огонь... — Артём замолчал, подбирая слова. — Пожар был организован мной. Не напрямую. Но я дал сигнал людям, которые знали, что ты там будешь. Забрал деньги, документы, дом. Теперь тебе некуда идти, кроме как ко мне.

Я посмотрела на его пальцы. Ими он поднял меня со скамейки. А перед этим отдал приказ людям, которые ждали меня у горящей квартиры. Хотелось ударить, но обожжённую ладонь нельзя было даже сжать. Я отодвинула чашку от края стола. Странно: боялась разбить его посуду, когда он спокойно говорил о моём доме.

Я вспомнила дорогой парфюм сквозь запах гари. Чужие руки, перенёсшие меня на остановку. Его слишком своевременное появление. Я не знала, кому принадлежали те руки, но теперь за каждой деталью искала его приказ.

На остановке он протянул руку и велел выбирать: уйти с ним или умереть. Сам устроил пожар, сам пришёл предлагать выход. Чашка стояла между нами; мне захотелось убрать её совсем, чтобы ничто не мешало видеть его. Артём смотрел на меня, не забирая контракт. Я могла бы сейчас разорвать бумагу — и что потом?

Я попробовала улыбнуться. Пересохшие губы плохо слушались; пришлось облизнуть их и попробовать ещё раз. Он должен был услышать ответ, а не смотреть, как я плачу.

— Значит, мы оба монстры, — сказала я спокойно. — Идеальная пара. Вы украли мою жизнь, чтобы вернуть мне инструмент мести. Справедливо.

Он моргнул и перестал улыбаться. Я дала ему ответ, которого он добивался, но легче не стало. Теперь было известно хотя бы, кому предъявлять счёт за огонь. Уйти от него сегодня значило остаться без прохода к Лизе. Я запомнила его слова. В контракте такого пункта не было; зато я их слышала.

— Ты не боишься меня? — спросил он, наклоняясь вперед.

— Боюсь, — честно ответила я. — Но я боюсь Игоря сильнее. А с тобой... с тобой я хотя бы знаю правила игры.

Я опустилась на стул. Артём встал. Поднял со стола свернутую ткань. Белое, с синей каймой. Форма медсестры-стажера.

Он бросил её мне. Ткань легла на колени. Я провела по чистому рукаву пальцем, оставив серый след. Завтра за ним опять можно будет спрятать свои руки и пройти в госпиталь; пока я боялась даже испачкать то, что он бросил.

— Надень это, — приказал он. Я подняла на него глаза, ещё придерживая рукав. Он говорил почти буднично, словно признание о пожаре уже исчерпало разговор. — Завтра ты войдешь в его кабинет. И помни: если ты ошибешься хоть на миллиметр, я не буду тебя спасать. Я буду смотреть, как ты падаешь.

Развернув форму, я прочла имя на бирке: «Марина Волкова». Ни «хирург», ни моего стажа — только та фамилия, с которой предстояло снова пройти мимо Игоря. Он её узнает, даже если не поднимет глаз на лицо.

На бирке было чужое для меня теперь имя. Я провела пальцем по буквам, проверяя, крепко ли пришито. Артём наливал кофе; смотрел на чайник, не на меня. Может, понимал, что форма не вернёт доверия. Но за ней был проход туда, где находилась дочь, и я оставила её у себя.

Прижимая форму к груди, я задела браслетом край стола. Металл звякнул. Артём обернулся, а я не убрала руку: пусть видит, что его подарок при мне.

Завтра придётся снова войти к Игорю. Я уже знала, где он оставляет посетителя стоять. На этот раз постараюсь рассмотреть его стол раньше, чем он заставит меня смотреть в пол.

Перед турникетом детского крыла я поправила бейдж: пусть имя читается сразу. Карта, которую час назад выдал Артём, лежала в кармане. Три года не обнимала Лизу; слышала её редко, по телефону, и потом ловила этот голос во сне. Сейчас можно было пройти к ней по тому же коридору, что и остальные сотрудники. Если меня пропустят.

Дежурная медсестра, полная женщина с уставшими глазами и красными от хлорки руками, даже не подняла головы от журнала.

— Проход закрыт. Без пропуска старшего врача сюда нельзя. Вы ошиблись корпусом, стажер.

Я удержала улыбку, хотя хотелось велеть ей посторониться. Так раньше проходила на обход — и никто не спрашивал, по какому праву. Сейчас на груди висел бейдж стажёрки.

— У меня срочное дело по пациентке из третьего блока, — соврала я, наклоняясь к её столу. — Я просто передам документ. Минута дела.

Медсестра подняла глаза, задержалась на моём лице. Узнала — даже в грязном халате. Я видела, как она выпрямилась, и чуть не прикрыла бейдж: фотография из «чёрного списка» наверняка была у неё перед глазами.

— Документ? — переспросила она, и в уголках её губ заиграла кривая усмешка. — Оставьте телефон. Я найду ребёнка, передам записку. Если всё будет чисто.

Я уже потянулась к телефону, но остановилась. Что именно ей нужно передать дочери — документ или мой аппарат? Она смотрела на карман, а не на папку в руке. На этом телефоне был номер Артёма. Я убрала руку и прижала папку к халату: если ей правда нужна записка, она может взять бумагу.

— Спасибо, но нет. — Я отступила, удерживая папку у груди. — Я вернусь через час, когда сменится дежурство.

Медсестра повернулась к монитору. Я хотела дождаться её нового вопроса — вдруг всё-таки пустит? — но она уже набирала что-то в журнале. Отступила от турникета. Своим «через час» я выдала ей время возвращения. Надо было придумать другое, а не приходить прямо к подготовленной охране.

В холле гудели лифты. Я смотрела на закрытые двери, желая, чтобы хоть одна кабина уже пришла. Когда они разъехались, войти не успела. Игорь ждал чуть в стороне.

Он опирался плечом о стену, курил электронную сигарету. Костюм сидел идеально; я опустила взгляд на свой грязный рукав и тут же подняла обратно. Успел заметить. Улыбнулся, убрал сигарету от рта, но от стены не отошёл. Можно было решить, что мы случайно встретились и сейчас поговорим. Он хорошо умел так стоять — загородив выход одним плечом.

— Марина, — позвал он негромко. Я ненавидела, что всё ещё останавливаюсь на этот голос. — Какое странное совпадение. Ты ведь должна быть... в другом месте. Там, где пепел остыл.

Он шагнул ко мне. До открытого лифта оставалось меньше метра; я замерла, а двери уже съезжались за плечом.

— Ты здесь незаконно, — продолжил Игорь, понижая голос так, чтобы слышала только я. — И знаешь что? Мне нравится твой выбор одежды. Белый халат. Уже серый от грязи. Цвет пепла. Ты всегда была такой... незаметной. А теперь прячешься за этим халатом.

От него пахло табаком и парфюмом. Я отодвинула папку от груди, оставляя между нами хотя бы её угол.

— Отойди, — прошептала я.

— Или что? — он склонил голову набок. — Вызову охрану? Полицию? За вторжение в частную территорию и попытку хищения медицинских данных? Подумай, Марина. Твоя дочь сейчас ест кашу в третьем блоке. А ты стоишь тут, как сумасшедшая, угрожающая персоналу. Хочешь, чтобы она увидела свою мать в наручниках?

Он произнёс «кашу», и я сразу представила, как Лиза сидит за столом. Ест ли сама, оставляет ли комочки у края тарелки? Меня уже потянуло спросить. Игорь заметил: прищурился, выждал. Я проглотила вопрос. Ни одного слова о дочери он не отдавал просто так.

Пока я молчала, к Игорю подошли двое охранников в чёрных куртках. Один обошёл его справа. Теперь он тоже стоял между мной и лифтом.

— Проводите даму к служебному выходу, — приказал Игорь, даже не глядя на них. Он смотрел только на меня, ожидая реакции.

Охранник сжал мой локоть через халат. Я дёрнула плечом, пытаясь отвести руку, но он только потянул меня дальше. На рукаве остались грязные следы его пальцев.

— Пошли. Быстро.

Я пыталась освободить локоть, но охранник при каждом рывке сжимал сильнее. Мы прошли регистратуру. Пациент поднял глаза от своей карты и тут же опустил. Я ждала, что кто-нибудь скажет: «Это наш врач». Никто. Пришлось сосредоточиться на ступеньке у служебной двери — меня толкали, и я могла упасть прямо на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.